

Прошли весна и осень, и буквально в один миг Ши Удуань прожил на горе Цзюлу уже пять лет. Он заметно подрос, его еще не до конца сформировавшаяся подростковая фигура была гораздо изящнее, чем у взрослых, в нем уже чувствовались первые признаки высокого роста. Однако выражение его лица с каждым днем становилось все более апатичным, он был настолько лишен веселья, что действительно казался младшим ученикам «маленьким шишу».

За эти пять лет птица Куйбин дважды линяла, а кролик - ну, кролик мог забыть о достижении человеческой формы, учитывая, насколько вялым было его культивирование. Он явно планировал просто есть, спать и прозябать до самой смерти. Поскольку ему посчастливилось встретить Ши Удуаня и последовать за ним на гору Цзюлу, где его кормили целый день, ежедневно, он так быстро растолстел, что увеличился вдвое. Издалека он стал похож на маленькую собаку.

В первый год Ши Удуань все еще был обеспокоен своим заключением на горе Цзюлу. Как бы он ни подавлял свою враждебность к Битану, она все равно просачивалась наружу. Каждый раз после визита Битана он запирался внутри, закрывая собой птицу Куйбин и духа кролика, и колот стену кинжалом. Когда становилось совсем невыносимо, он даже резал себя, потому что, если не выпустить воздух, он задохнулся бы до смерти.

Со временем его страдания стали привычными.

Хорошие времена были подобны воде, проскальзывающей мимо его пальцев в момент невнимательности, сто лет могли пролететь в одно мгновение, даже целой жизни не хватило бы. Но плохие времена были подобны ножам, один за другим они резали и кромсали внутренности и внешность человека. Так сильно, что человек мог измениться до неузнаваемости в мгновение ока.

Книги, которые читал Ши Удуань, если сложить их в стопку, были бы выше человека. Он жил скучной жизнью, редко выходя за порог. Если бы кто-нибудь проверил его на знание архаичной чепухи, которую он читал, он мог бы взять любую книгу, перелистнуть на любую случайную страницу, указать на слово, и Ши Удуань смог бы по памяти прочесть остальную часть книги. Но если заходила речь о чем-то другом, он отказывался говорить. Словно события, произошедшие той ночью, заперли его душу в этих пустых, банальных, пожелтевших страницах.

Через некоторое время даже Битан начал думать, что ребенок действительно ничего не знает. Иначе как бы он мог быть настолько спокойным? Поэтому он перестал беспокоиться о нем.

Постепенно разговор превратился для Ши Удуаня в пустую трату времени. Он знал, что секта Сюань не воспитывает его, а держит в тюрьме. Он должен был быть абсолютно осторожным в разговоре с другими и медленно обдумывать каждое свое слово. Иногда, в ночной тишине, когда Ши Удуань не мог больше сдерживаться, он разговаривал с птицей Куйбин и кроликом. Но эти существа были просто слишком глупы. В конце концов, он потерял интерес, и он еще больше замкнулся в себе.

Много раз он пугался и боялся, мечтал о том, как сбежит. Но позже он понял, что Битан и Цзян Хуа - не одно и то же. Если бы Цзян Хуа поймал его за побегом, он бы получил максимум по голове. Но секта Сюань больше не была местом, в котором можно было валять дурака.

Ребенок, особенно опекаемый и избалованный, в невежестве своей юности наивно верил, что «нет ничего такого, чего бы я не мог сделать». Однако осознание того, что в действительности он не способен ничего сделать, может занять долгие-долгие годы.

Но необходимость выжить была подобна удобрению, она быстро вбила в Ши Удуаня эту полузабытую мудрость, на понимание которой другим понадобилось бы много лет.

Каждый день Ши Удуань сидел во дворе у неактивной астролябии, и в его голове роились мысли. Несмотря на то, что Битан не всегда руководствовался добрыми намерениями, разрешая ему читать книги, учеба никогда не вредила ему. Как говорится, прочитать тысячу слов - все равно что пройти тысячу миль, хотя он никогда не проходил тысячу миль, его опыт преодоления трудностей и исключительный интеллект склоняли шансы в его пользу. Никто и представить себе не мог, что пять лет молчаливого терпения и притворства откроют перед ним такие необыкновенные пути.

Иногда, когда он думал и размышлял, он начинал безучастно смотреть на астролябию. Поначалу он не замечал этого. Но однажды Ши Удуань понял, что пески в астролябии расположены не случайно.

Он не знал, что это значит, он знал только, что с тех пор, как умер его шифу, астролябия больше никогда не двигалась. Она застыла в тот момент, когда поднялись горные фонари.

Интерес Ши Удуаня к прорицаниям не вызывал у других особого беспокойства. В конце концов, будь то Битан, Банья ... или мастер Куруо - Ши Удуань не знал, жива она или мертва, так как не видел ее с момента своего возвращения, - несмотря на мощную культивацию, имели лишь поверхностные знания о прорицании.

Прорицание было полезно: с его помощью можно было найти людей, предсказать метеорологические условия, а по преданию, наиболее искусственные в этом искусстве могли предсказать судьбу любого, кого пожелают, хотя это граничило с бредом. Судьба непостоянна, ее касаются тысячи нитей причин и следствий, как может простой смертный рассчитать все это? Только такие важные вещи, как масштабные бедствия, разрушительные катастрофы, божественные чудеса, траектории Императорской звезды и звезды Генерала, а также взлет и падение королевств были доступны искусным в прорицаниях.

Если говорить преувеличенно, то это было искусство, сотрясающее землю и повергающее Небеса, если говорить преуменьшенно, то обычный практикующий мог лишь проверить, пойдет ли на следующий день дождь или снег.

По мнению Битана, подобные непрозрачные, заумные знания были полезны лишь как теоретические упражнения для оттачивания ума и не имели никакого отношения к великому Дао. Поэтому он позволил Ши Удуаню практиковать их, как ему заблагорассудится. Люди, которые каждый день ходили на вершину горы разносить еду, иногда замечали своего затворника «маленького шишу», сидящего на корточках у астролябии. Иногда он напряженно ломал голову, иногда с помощью маленькой палочки вычерчивал длинные, пространные расчеты, в которых никто не мог разобраться. В такие моменты вся его аура светилась, а глаза сияли, словно он был в полном восторге.

Но стоило ему заметить чье-то присутствие, как снова появлялось жесткое, деревянное выражение лица.

В тот год, когда Ши Удуаню исполнилось шестнадцать лет, Битан направил к нему человека с приглашением, в котором сообщалось, что скоро состоится «великое боевое собрание» секты Сюань, проводимое раз в тридцать лет, и что его специально приглашают принять участие в празднике вместе с его товарищами по секте.

Так называемое «великое боевое собрание» на самом деле было просто проверкой того,

насколько далеко продвинулись ученики секты Сюань за последние тридцать лет. Во-первых, это позволяло ученикам продемонстрировать свое мастерство перед главой секты. Во-вторых, хотя культиваторы жили во много раз дольше обычных людей, за тридцать лет многое могло произойти, должности в секте открывались, и те, кто хорошо выступил на собрании, имели шанс подняться на более высокие должности. И, наконец, самым заманчивым преимуществом было то, что каждый раз, когда устраивалось собрание, императорский двор посылал своих представителей. Того, кто попадал в поле зрения почетных гостей, ждало светлое будущее.

Дао-культиваторы, в отличие от бессмертных культиваторов, которые жили вне общественных условностей, были не выше таких мирских желаний.

Ши Удуань вежливо принял приглашение и принялся размышлять. Какой смысл было тащить его на это мероприятие? Быть талисманом? Украшением? Для чьих глаз? Это была идея Битана или Баньи?

Он посмотрел на того, кто передал сообщение, улыбающегося молодого человека, который выглядел довольно приветливым. Он спросил:

«Как.... тебя зовут?».

«Отвечая на твой вопрос, маленький шишу, меня зовут Лян Сяо. Старший ученик главы секты - мой шифу».

При словах «глава секты» сердце Ши Удуаня учащенно забилось, но на его лице ничего не отразилось. Он так редко разговаривал, что у него выработалась привычка произносить по одному слову за раз. Он говорил, как старик, который одной ногой в могиле и которому приходится делать паузу для дыхания три раза за предложение. Он издал звук понимания и спустя почти полминуты наконец продолжил:

«Ты ученик Чжао шисюна».

Он полагал, что ему сейчас скажут что-то глубокое и проникновенное, кто бы мог подумать, что это окажется той ерундой, которую он в итоге услышал. Он поспешно ответил:

«Да, я твой шичжи*».

(*) Шичжи - боевой племянник.

Ши Удуань посмотрел на него, кивнул и сказал:

«Хорошо».

Что «хорошо»? Рот Лян Сяо дернулся в уголках. Он поднял голову и посмотрел на Ши Удуаня, думая: как этот человек настолько не владеет этикетом? Затем прошло еще много времени, прежде чем он аккуратно сложил приглашение на треть и спрятал его в рукав. Только после этого он отдал честь и медленно произнес:

«Мне посчастливилось попасть на тридцатилетнее великое боевое собрание. Не мог бы ты передать главе секты мои слова: «Удуань обладает скудным талантом и будет просто поддерживать со стороны»».

Лян Сяо поспешно ответил «конечно, конечно», а затем понял, что этот господин не лишен манер, просто ему нужно много времени, чтобы использовать эти манеры. Он уже собирался

отвернуться и уйти, когда увидел, что Ши Удуань снова открыл рот. Слишком «зрелый для своего возраста» подросток продолжил:

«Лян шичжи молод и талантлив и, несомненно, хорошо подготовился к собранию. Я просто заранее поздравлю тебя с безграничными достижениями».

Эти слова показались Лян Сяо причудливо жуткими, как будто перед ним был не юноша, а беловолосый семидесяти-или восьмидесятилетний старик. Он ответил на несколько любезностей и удалился, словно убегая.

Ши Удуань улыбнулся его удаляющейся фигуре, прислонившись к двери, но глаза его были ледяными. Он повернулся и вошел в свой двор, доставая из-под стола стопку черновиков. Это были результаты пяти лет непрерывного, неустанного изучения и исследования последнего небесного образа, который оставил его шифу.

Ши Удуань легонько щелкнул пальцами, вызывая в ладони маленькое пламя. Через мгновение все бумаги сгорели дотла. Он тихо выдохнул и понял, что настала возможность покинуть секту Сюань.

В день собрания Ши Удуань снова предстал перед всеми.

Согласно старшинству, Ши Удуань должен был сидеть в одном ряду с да-шисюном*, Чжао Чэнъе и двенадцатью мастерами, поэтому он выбрал самое дальнее место и ни с кем не общался. Он не был похож на тех прилежных учеников, которые стремительно продвигались по пути боевого культивирования. Его внешность «воспитанника мачехи»* выдавала в нем чужака.

(*) Да-шисюн – старший ученик главы секты; «воспитанник мачехи» – то есть он выглядит таким же тощим, как человек, с которым плохо обращалась мачеха.

Боевое культивирование секты Сюань было известно как суровое и трудное. Ученики должны были усердно тренироваться каждый день под снегом, дождем и солнцем. Им приходилось драться в грязи, осваивать восемнадцать видов оружия и время от времени соревноваться друг с другом. Поскольку боевое собрание было внутренним турниром секты, большинство учеников были одеты небрежно. Но культиваторы, особенно боевые культиваторы, обладали внутренним великолепием, которое придавало им достойный и выдающийся вид. Стоя вместе на одном поле, они выглядели особенно блестяще.

Никто не знал, было ли это намеренно, но Ши Удуань, закутанный в парчу, хотя и не выглядел совсем уж истощенным и болезненным, с опущенными вниз глазами, выглядел как молящийся монах. Правда, он родился с красивыми и тонкими чертами лица, поэтому только те неосведомленные люди, которые подходили к нему поболтать, замечали необычные качества этого маленького шишу.

Даже когда он просто слепо соглашался с кем-то, он был на полпалочки благовоный медленнее, чем все остальные. Когда он говорил, его слова были сбивчивыми, бессвязными и совершенно скучными. Казалось, что его голова заполнена пастой. Время от времени он хамски «ронял сумку с книгами»*, и самое противное заключалось в том, что эта сумка, казалось, падала с обрыва высотой в милю, и ей требовались годы, чтобы упасть на землю. «Отвратительное многословие» не могло даже близко описать его внушающую благоговейный трепет мощь.

(*) Ронять сумку с книгами – сленг, означающий: чрезмерное цитирование классики для

демонстрации своих знаний.

Вскоре не осталось ни одного беспамятного человека, который осмелился бы держаться рядом с этим «легендарным» маленьким шишу. Все думали, что Ши Удуаня вывели, чтобы показать всем, что на самом деле означает поговорка «снаружи позолота, внутри гниль».

Ши Удуань скрытно улыбался про себя, спокойно спрятавшись в своем углу. Он обвел взглядом все вокруг и остановился - он увидел мастера Куруо.

Но охранники, стоявшие рядом с мастером Куруо, не были красивыми, как нефрит, шицзе, которых он ожидал увидеть, скорее это были вооруженные мужчины-ученики секты Сюань. Остальные ученицы сидели в нескольких метрах от своей шифу. Младшие из них выглядели сердитыми и возмущенными.

Те люди рядом с Куруо явно не охраняли ее. Любой человек с глазами мог понять, что ее принуждают.

Куруо, казалось, что-то почувствовала, она вдруг подняла голову и встретилась взглядом с Ши Удуанем. Ее лицо исказилось от беспокойства и тревоги. Она открыла рот, чтобы заговорить. Ши Удуань вздохнул про себя, зная, что у этой шишу вспыльчивый и несдержанный характер. Он поднял свою чашу в знак тоста, нацепив улыбку.

Он выпил чашу одним махом, когда зазвучали барабаны. Битан вышел на помост и воздал честь небу и земле - боевое собрание началось. Ши Удуань перевел взгляд с мастера Куруо на Великого Наставника, представлявшего императора - это был тот самый мужчина средних лет, которого он видел пять лет назад у ворот секты Сюань, ехавшего рядом с императорской каретой. Таким образом, он догадывался о том, что происходит. Похоже, Куруо последние несколько лет находилась в похожем положении, под домашним арестом. Теперь Битан хотел сделать ситуацию менее неловкой, используя боевое собрание как возможность позволить Куруо появиться. Но так как Битан боялся, что она устроит сцену, он вынудил его появиться, чтобы успокоить ее.

Когда Ши Удуань держал свою чашу с вином, на его лице было нежное и почтительное выражение, он думал: Битан, этот старый ублюдок шлюхи, бесполезен во всем остальном, но он точно знает, как установить памятные арки для себя.

<http://bllate.org/book/14187/1250177>